

ВСЕГДА К ЛИЦУ

У карты
театральной
России

КОГДА театр заканчивает гастрольные выступления, его афиша выглядит уже несколько иначе. Естественно, в ней те же самые названия, но теперь за каждым встает спектакль, вспоминаются актеры.

«Третья патетическая» — работа воронежского театра, оставляющая самое сильное впечатление. Спектакль, поставленный Г. Дроздовым, романтически приподнятый, глубоко современный по стилю и духу, он ведет разговор о современном: о Родине и революции, о вере и безверии, о неиссякающей энергии строителей нового мира. Каждый персонаж пьесы — от надменного яркой характерностью Абдулы, сыгранного артистом Н. Ефимовым, до рабочего-чекиста Федора Дятлова (Ю. Платонов), коварного и философски спокойного капиталиста Гвоздилина, сыгранного Г. Гладких, художника-модерниста Лаврухи Кумакина (А. Новиков) и инженера Сестрорецкого (Ю. Кочергин), человека честного, по внутренне растерявшегося, — все интересны сами по себе. Но каждый из этих образов непременно укрупняется, становится явлением, когда попадает в поле притяжения мыслей и дел Владимира Ильича Ленина. Образ вождя пролетарской революции, созданный артистом В. Соколовым, — главная и решающая удача спектакля.

В спектакле полифоничном, талантливо показывающем малейшие движения души человека, несколько нарочито указующе выглядит оформление.

Преодолением некоторой надуманности режиссерского приема отмечен спектакль «На дне». При свете фонаря на сцену выходят актеры и на глазах у зрителей облачаются в одежды персонажей горьковской пьесы. Манерность приема театра в театре ощущается и в костюмах героев. Это не просто старые, поношенные вещи. Это рубища, живописно, картинно падающие с плеч, — романтическая накидка у Актера, шкуры до пят у Сатина и с разрезом до бедра юбка у Насти... Правда, об этом прологе вскоре забываешь, потому что далее в спектакле актеры создают целую галерею лиц, живых, социально-конкретных, реалистически сочных, отмеченных полным актерским перевоплощением.

Спектакль показывает страшную картину духовной разобщенности обитателей ночлежки. И жестокость их — следствие разобщенности.

Об истоках жестокости, о потере нравственных ориентиров, о вседозволенности как основе преступления ведет полемически острый разговор спектакль «Любовь, джаз и черт». Постановкой пьесы известного литовского писателя Ю. Грушаса о молодежи театр касается проблем, тревожащих каждого. Это жесткий по стилю, прямой и требовательный по нравственному посылу спектакль. Актеры, играющие подонков, не оставляют ни малейшего намека на некую симпатичность своих героев. Мы видим зло злым, отталкивающим, отвратительным. Таким, какое оно и есть. Говори об этом спектакле, очень изобретательном, талантливом, хочется сказать не только о художественном его качестве. Спектакль рождает чувство негодования. Трудно сильнее

выразить необходимость борьбы со злом, чем это сделала Н. Дроздова, исполнившая роль Беатриче. Трагической гибелью девушки заканчивается действие. За секунду до занавеса мы видим трех ее убийц: кажется, они потрясены — нет, они уничтожены, раздавлены. Но какой неимоверно большой ценой! Актриса играет Беатриче вопрошающей, взгляд ее серьезен и внимателен, она всегда смотрит прямо на собеседника, ее юный максимализм сродни мудрости. Мотивы ее поступков заставляют нас вспомнить об изначальной сути социалистического гуманизма. О добре действенном, активном.

Открытая полемика, диспут, в котором непременно участвует зритель, составляют сегодня драматургическую природу многих спектаклей на так называемую «производственную тему». Некоторая облегченность, с которой шагает по жизни герой пьесы В. Черных «Дело Боброва» Семен Бобров (Ю. Кочергин), значительно снижает столь необходимую спектаклю полемичность. Герой прокладывает дорогу и замышляет перестроить деревню; учит колхозников дисциплине и добросовестности, но, в сущности, ни в одном деле не встречает сопротивления. Правда, остается у зрителя некоторый интерес к самой личности Боброва, вызванный тем, что он сам себя предложил в председатели. Но интерес этот скоро проходит, и становится ясно, что для спектакля этого мало. Талантливо сыгранные актерами сцены не слагаются в спектакль, а остаются жанровыми зарисовками.

Рассуждая о природе удач или неудач воронежского театра, приходишь к мысли, что удача и спектакля в целом, и актеров связаны с тем, на-

Сцена из спектакля «Любовь, джаз и черт». Беатриче — Н. ДРОЗДОВА, врач — В. ГАЛКИН.
Фото И. ГАЛАНЮНА

сколько верно бывают обнаружены мотивы поступков героев. Точно найденные, они, как искра, пролетают мгновенно через рампу и, узнанные в зале, возвращаются одобрением, восторгом, негодованием или сочувствием герою.

В пьесе Э. Володарского «Самая счастливая» это удалось сделать Н. Дроздовой, исполняющей роль Маши Ветровой. Не раз в общем-то однозвучно решались такие сюжеты: полюбила женатого, вышла замуж за нелюбимого, ребенок... Здесь иное. Трудно сказать, какого человека играет актриса. Не потому, что играет она нечетко. Она играет человека изменяющегося. И любит она сегодня не так, как любила вчера. Человек, пока жив, — меняется. И в этом логика игры Дроздовой, своеобразие созданного ею образа.

В спектакле ведется разговор о предмете чрезвычайно тонком и трудном — о восприятии чувств.

И, наконец, «Средство Макропулоса» К. Чапека. Театр сделал зрелище в меру занимательное, в меру водеvilное,

но весьма далекое от заключенных в пьесе К. Чапека раздумий о жизни и смерти, о конечности жизни одного человека и бесконечности человеческого рода.

Режиссер невероятно облегчил пьесу, но сделал это отнюдь не робко. В режиссерском почерке даже чувствуется некоторая самоуверенность. Сцена убрана удивительно обильно и щедро — здесь и купидон, и мебель гнутая и резная, и картина вдали, каким-то особым образом подсвеченная. Театр словно уверен, что знает некую формулу, которая если и не гарантирует успеха, то всегда уберегает его от неудач.

...Перед началом одного из спектаклей театра, пока зрители рассаживались в зале, можно было видеть перед занавесом огромное фото. Молодые люди, быть может, студенты. Обращает на себя внимание выражение лиц: на них нетерпение, непосредственность, готовность ошибаться и вновь искать... Хорошее выражение. Оно и театру всегда к лицу.

Геннадий БИРЮКОВ